

Оксана Нагорная: Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома»²

Oksana Nagornaya (South Urals State University, Cheliabinsk, Russia): Through the looking glass of Soviet modernity: foreign representations of the USSR in the epoch of the «great turn»

Грядущее столетие Октябрьской революции — события, до сих пор трактуемого весьма неоднозначно, несомненно, станет поводом не только для публичных мемориальных мероприятий, но и для критической оценки состояния историографии. Наблюдаемое в последнее десятилетие расширение исследовательских ракурсов при оценке событий 1917 г. до транснационального уровня приводит к пониманию, что появление на свет первого социалистического государства ознаменовало не только начало противостояния капиталистической и социалистической систем, но и сложное взаимодействие двух миров в сфере экономики, политики и культуры. При этом даже в периоды полного разрыва традиционных дипломатических отношений возможность для контактов сохранялась именно в сфере так называемой культурной дипломатии. Её стратегии и практики, ориентированные на «другого», одновременно влияли на саморепрезентацию советских элит, миссионерскую оценку ими собственной роли на международной арене, на формирование политических практик, в том числе в сфере воспитания своих граждан. Именно транснациональное измерение советского проекта в период его становления является центральной темой монографии американского исследователя М. Дэвида-Фокса «Витрины великого эксперимента».

Аналитический интерес автора гораздо шире заявленной в заглавии монографии темы — книга полна плодотворных экскурсов в многовековые российские дискуссии о собственном «превосходстве и неполноценности» (лидерстве или отсталости), в механизмы функционирования довоенного сталинизма, каналы и инструменты транснациональной коммуникации, проблемы культурного трансфера. Автор опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников, включая ведомственные документы, программные труды и воспоминания творцов культурной дипломатии и её подопечных, художественные и визуальные материалы. Несмотря на то, что советская культурная дипломатия межвоенного периода и феномен паломничества западных интеллектуалов в Советский Союз эпохи «великого перелома» имеют весьма богатую традицию изучения как в России, так и за рубежом³, Дэвиду-Фоксу за счёт расширения перспективы и пристального внимания именно к транснациональному контексту удаётся существенно скорректировать ряд устойчивых представлений. По его мнению, перспективным направлением дальнейшего изучения межвоенного периода являются сравнительные исследования не столько различных проявлений диктатур, сколько транснациональных сплетений между ними, определявших взаимное восприятие, заблуждения и, в конечном итоге, недооценку формирующихся угроз.

² Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 16-18-10213.

³ См., например: *Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy.* Princeton, 1960; *Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30 гг.* СПб., 1999; *Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–30-х гг. М., 2004; Коньшева Е.В. Европейские архитекторы в советских проектных организациях в 1930-е годы: эволюция места, роли и взаимоотношений // Архитектон: известия вузов. 2014. № 3(47). URL: http://archvuz.ru/2014_3/14; *Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016.**

Пересмотру в книге подвергается само понятие «культурная дипломатия», которое в сравнении с предшествующими работами определяется более широко — как систематическое включение культурной составляющей в отношения с иностранными государствами или концентрация в рамках внешней политики внимания и ресурсов в сфере культуры. Замечу, однако, что даже это расширенное понимание не включает в достаточной мере «перспективу снизу» — культурную активность людей и общественных групп.

Автор проводит читателя за кулисы политической кухни довоенной советской культурной дипломатии и описывает противоречивый, нелинейный, конфликтный процесс оформления стратегических концепций и проведения отдельных мероприятий в условиях постоянного партийного давления и финансового дефицита. Весьма показательным для послереволюционной эпохи примером является финансирование пропаганды превосходства советской модели из фондов, выделенных заграничными организациями помощи на борьбу с голодом, — такое нецелевое использование благотворительных средств советских деятелей несколько не смущало. Постепенно в условиях первоначального институционального хаоса Советской России, когда у каждого ведомства существовали свои представительства за границей, приглашавшие нужных специалистов, рождается идея относительной унификации усилий по оказанию влияния на зарубежные страны. Однако даже появление в 1925 г. квазиобщественного Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) не ликвидировало проблему институционального и программного плюрализма и ведомственной конкуренции. ВОКС приходилось отстаивать своё право на существование в соперничестве с Коминтерном, нацеленным на работу с зарубежными партийными деятелями, позже — с Интуристом, созданным с коммерческими и пропагандистскими целями.

Разнородная по стилю, размаху и эффективности работа ВОКС за пределами СССР объясняется автором ситуативными влияниями международной обстановки, степенью устойчивости публичного пространства в зарубежных странах, а также личностным фактором — талантом и активностью тех или иных советских культурных дипломатов. Как правило, их гибкость и прагматизм позволяли, с одной стороны, разработать широкий спектр концепций и форм работы и привлечь в состав зарубежных обществ дружбы значительное количество ведущих публичных деятелей из совершенно разных политических кругов. С другой стороны, стремление подчинить их собственному целеполаганию, низкое качество поставляемой за рубеж текстовой и визуальной информации, концептуальные противоречия разных периодов советской политики не позволяли достигнуть устойчивого эффекта. Пожалуй, единственным постоянным направлением работы, вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, было идеологическое и культурное противодействие русской эмиграции.

Обращаясь к детальному анализу визитов иностранных специалистов, интеллектуалов и общественных деятелей в Советский Союз, автор в первую очередь стремится осветить их мотивацию. Признавая значительное количество предшествовавших исследований, по-разному интерпретировавших причины притягательности (пусть иногда и отрицательной) сталинизма для западных интеллектуалов, Дэвид-Фокс критикует узость доминирующего в них однофакторного подхода и настаивает на необходимости его диверсификации. Исследование различных групп — технических специалистов, приезжавших по трудовому контракту, приглашённых интеллектуалов, рядовых и нерядовых членов профсоюзных делегаций — позволяет автору констатировать наличие широкого

спектра мотивов. В их числе и молчание в обмен на публичный статус (Р. Роллан), и надежда через видимую лояльность повлиять на ход советского эксперимента и лично на Сталина (С. и Б. Вебб, Дж. Б. Шоу), и принятие нематериальных выгод статуса «друга СССР» (например, устройство детей в престижные советские учебные заведения), и мечты о реализации прорывных профессиональных проектов на советской территории (технические специалисты, инженеры, архитекторы). Не раз подчёркиваемые автором гибкость идеологии коммунизма, сам дух эпохи, отмеченный печатью кризиса идей западного либерализма и социал-демократии, а также сложная сценарность «культпоказов» способствовали закреплению взаимовыгодного характера «дружбы с Советским Союзом».

Чрезвычайная дидактичность советской политической культуры в целом обусловила специфику методов организации «культпоказа». Заграничным гостям демонстрировали преимущества социализма, но прежде всего их учили, как следует правильно наблюдать за советскими достижениями, как должно их интерпретировать и представлять после возвращения на родину. Центральной установкой, к примеру, являлось транслируемое и принимаемое многими из них убеждение, что нынешние свершения следует сравнивать не с уровнем развития Европы или США, а с дореволюционной Россией. Значимым результатом этого процесса обучения иностранцев стало формирование мировоззрения нового советского человека, принимавшего риторику и оптику самовосхваления и доводившего себя до самообмана. По мнению автора книги, именно в этом заключалась «трагедия, в которую оказалась вовлечена не горстка аристократов, а целая цивилизация» (с. 241). Стоит оговорить, однако, что столь часто употребляемая автором метафора «потёмкинские деревни» по отношению к стилю советского межвоенного «культпоказа» излишне упрощает выявленную им же самим многослойность феномена, особенно его обратного воздействия на развитие проектов создания «нового человека».

Анализ «культпоказа» позволяет автору не только осветить его каналы и инструменты, но и выявить поведенческие практики и объяснительные модели участвовавших в его формировании рядовых и нерядовых советских граждан, включая партийных и государственных деятелей, переводчиков, гидов и сотрудников госбезопасности. К примеру, внимание автора привлекает схожесть инсценировок в организации визитов иностранцев и показательной поездки по образцовым объектам СССР М. Горького. Травелог писателя лишь на первый взгляд являются восхвалением режима, на деле, как считает Дэвид-Фокс, отражают его стремление перенять инициативу и сотворить идеальный советский проект воспитания, новую культуру соцреализма. Это «своеволие» автор книги обнаруживает не только у литературного классика, но и у рядовых участников системы «культпоказа», вступавших в недозволенные неформальные контакты с иностранными визитёрами, поставивших им альтернативную информацию, по договорённости покрывавших своих коллег в отчётных документах. В целом ВОКС и советская культурная дипломатия оставались продуктами самой системы с её бюрократической неповоротливостью, недостатком квалифицированных кадров и, главное, неразрешимой концептуальной дилеммой между подозрительностью и враждебностью к иностранцам и стремлением заимствовать у них все лучшие достижения, чтобы затем превзойти их по всем параметрам.

Причиной кризиса советской культурной дипломатии в предвоенном мире, как считает автор, стали даже не просчёты в организации и неспособность снять противоречия между идеологией и практикой, а радикальный внешнеполитический

поворот СССР – заключение пакта Молотова–Риббентропа. Его подписание нанесло сокрушительный удар по ключевым символам антифашизма, ознаменовало финал эпохи паломничества и обусловило разрыв преемственности в развитии советской культурной дипломатии.

И всё же присутствующие у автора в заключении книги излишне обобщённые характеристики послевоенного времени как истории провала или, в лучшем случае, отдельных успехов в странах «третьего мира» настоятельно требуют уточнения. Прямолинейная дихотомия «история успеха – история провала» скрывает от нас реальную картину персональных и институциональных судеб, насыщенного конфликтами и противоречиями международного взаимодействия послевоенного периода, влияния медийной революции второй половины XX в. на эволюцию неформальных культурных сетей⁴.

Размышления по поводу созвучия советского эксперимента универсальной модерности или множественным её вариантам М. Дэвид-Фокс развивает в своей новой книге «Пересекая границы»⁵. Он настаивает на необходимости дальнейшего изучения «кросс-культурных и трансидеологических взаимодействий» участников советского эксперимента и его внешних наблюдателей (на примере Р. Роллана, его жены М. Кудашевой, «прусского большевика» Э. Никиша, раннесоветских академических институтов). Можно согласиться с автором, что многофакторный анализ взаимных оценок и заблуждений окажет плодотворное влияние на изучение феномена сталинизма и глобальной истории XX века.

Тимур Мухаматулин: Две стороны советской витрины

Timur Mukhamatulin (Rutgers University, New Brunswick, USA, and Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Two sides of the Soviet showcases

В 2013 г. в России много говорили о выдающемся французском киноактёре Жераре Депардье. Специальным указом президента В.В. Путина он получил российское гражданство⁶, ему подарили квартиры в Грозном и Саранске, пресса широко освещала его поездки по стране, а в своих публичных высказываниях Депардье много говорил о своей любви к России и её культуре⁷. Эта история ещё раз демонстрирует, насколько актуальна тема книги американского историка М. Дэвида-Фокса, посвящённой культурной дипломатии коммунистического режима в 1921–1941 гг. Попытки повлиять на западное общественное мнение с помощью приглашаемых в страну интеллектуалов и знаменитостей, конечно, не прекращались в СССР никогда, но именно межвоенный период стал тем временем, когда этот инструмент использовался наиболее активно.

Дэвис-Фокс рассматривает работу Советского Союза по созданию положительного образа сквозь призму категорий полноценности/неполноценности, полагая, что «подобные образы всегда очевидны и играют существенную роль в репрезентациях себя и другого» (с. 57). Автор также констатирует «в высшей степени

⁴ См.: *Нагорная О.С.* «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.

⁵ *David-Fox M.* Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015.

⁶ URL: <https://ria.ru/culture/20130106/917210546.html>. Дата обращения здесь и далее: 23.01.2017.

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vDK4SV0xqoI>